

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY

Психотерапия и наука: проблема «схизиса»

Л.И. Воробьева*,
ФГБНУ ПИ РАО, Москва, Россия,
lab05@list.ru

Дифференциация между психотерапией и научной психологией, включая ее прикладные ответвления, позволяет снять проблему «схизиса» между ними, поставленную в 1996 г. Ф.Е. Василюком в опоре на «философию практики» Л.С. Выготского и до сих пор обсуждаемую в отечественной литературе по методологии психологии. Прослеживая историю проблемы «схизиса» в отечественной психологии, автор делает вывод о том, что эта «мнимая проблема» является следствием синкретического объединения психотерапии и прикладных отраслей психологии в единый конгломерат «практической психологии», которое было сделано методологами, без специального культурно-исторического и типологического анализа современного антропопраксиса. Предлагается методология и понятийный аппарат для такого рода анализа, что позволяет провести аргументированную демаркацию между двумя типами современного антропопраксиса: «функционально-технологическим» и «экзистенциально-личностным». К первому относятся антропопрактики, производные от новоевропейских наук, второй представлен новой для эпохи модерна антропопрактикой — психотерапией, появившейся благодаря «мутации» клинического дискурса, произведенной психоанализом.

Ключевые слова: схизис, психотерапия, наука, антропопрактика, телос, режим истины.

Psychotherapy and Science: the Problem of the “Schism”

L.I. Vorob'yeva,
Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow,
Russia, lab05@list.ru

The differentiation between psychotherapy and scientific psychology, including its applied branches, allows to remove the problem of the “schism” between them, set in 1996 by F.E. Vasilyuk on the basis of Vygotsky’s “philosophy of practice” and is still discussed in the domestic literature on the methodology of psychology. Tracing the history of the “schism” problem in Russian psychology, the author concludes that this “imaginary problem” is a consequence of the syncretic association of psychotherapy and applied branches of psychology into a single conglomerate of “practical psychology” that was made by methodolo-

Для цитаты:

Воробьева Л.И. Психотерапия и наука: проблема «схизиса» // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 4–11. doi:10.17759/chp.2018140201

For citation:

Vorob'yeva L.I. Psychotherapy and Science: The Problem of the «Schism». *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 4–11. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140201

* Воробьева Людмила Ивановна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологического консультирования и психотерапии, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ ПИ РАО), Москва, Россия, E-mail: lab05@list.ru
Vorob'yeva Ludmila Ivanovna, Ph.D in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychological Counseling and Psychotherapy, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: lab05@list.ru

gists without bothering with special cultural-historical and typological analysis of modern anthropopraxis. The methodology and conceptual apparatus for this kind of analysis is proposed, which allows us to conduct a reasoned demarcation between two types of modern anthropopraxis: "functional-technological" and "existential-personal". The first includes anthropopraxis, derived from the modern European sciences, the second is represented by a new for the modern era — psychotherapy, which appeared due to the "mutation" of the clinical discourse produced by psychoanalysis.

Keywords: schism, psychotherapy, science, anthropopraxis, telos, mode of truth.

История проблемы «схизиса» между научной психологией и «психологической практикой»

Проблема «схизиса» между академической и «практической» психологией, судя по объему посвященных ей публикаций в отечественном научно-психологическом сообществе [2; 8; 18; 35; 36 и др.], а также на порядки большему количеству дискуссий на тему «психотерапия¹ и наука» в среде психотерапевтов [5; 24; 41 и др.], не утрачивает актуальности. Однако если разобраться в существе дела, то окажется, что в одной проблеме скрыты две абсолютно разные, причем одна — реальная, а другая — вымышленная, мнимая. Психотерапевтическое сообщество, обсуждая проблему «психотерапия и наука» пытается решить реальную проблему культурно-исторической идентичности своей практики, обострившуюся во второй половине XX в. вследствие все возрастающей институционализации и поиска оснований ее легитимности, в то время как сообщество отечественных ученых-психологов, особенно тех, кто занят методологией психологии, обсуждает несуществующую проблему так называемого «схизиса» между психологической наукой и практикой.

Начнем с истории возникновения проблемы «схизиса» в отечественной психологии. Она важна, ибо поможет понять, как мнимая проблема связана с реальной, что совсем не бралось во внимание в дебатах о «схизисе» и что должно быть, на наш взгляд, поставлено во главу угла. При этом важно сказать, что в дискуссиях о «схизисе» в отечественной методологии психологии произошло выхолащивание самого смысла, который Ф.Е. Василюк, которому мы обязаны метафорой «схизиса», имел в виду [7]. Она была использована им вовсе не по отношению ко всей области практической деятельности психолога, он проводил различие между тем, что он назвал «практической психологией» и «психологической практикой», связав последнюю с философией практики Л.С. Выготского, в то время как в современных дебатах о «схизисе» такого различия не делается. Говоря о «схизисе», Василюк вел речь не о тех видах «практической психологии», которые всегда присутствовали с фундаментальной наукой, не обнаруживая никаких проблем, а о «психологической практике», «имманентной психологии» [6; 7; 8]. Однако

с течением времени в отечественной методологии психологии метафора «схизиса» прижилась, а идея Выготского о философии практики потерялась, утратив актуальность. «Схизисом» методологи теперь обозначают отношения между «исследовательской» и «практической» психологией, производя не «тройное», как предлагал Василюк, а «двойное» деление психологии.

А как за рубежом? Следовало бы удивиться тому факту, что проблема «схизиса» является достоянием лишь отечественной психологии и совершенно не представлена в зарубежной литературе. Там обсуждается проблема распределения социальных функций академической науки и технических отраслей знания [36], однако вне какой-либо связи с идеей Выготского о «психотехнической философии практики», которая должна была стать «камнем, заложенным во главу угла» новой психологии. Это объяснимо тем, что она, в отличие от многих других его идей, на которых зиждется отечественная культурно-историческая школа и которые получили широкое признание за рубежом, не выдержала испытания временем. Появившись первоначально в «Историческом смысле психологического кризиса», она выражала то, что можно назвать технологическим оптимизмом эпохи модерна.

Психотехническая «философия практики» Выготского разрабатывалась в опоре на идеи Х. Мюнстерберга и других психологов, заложивших основы «промышленной психологии» — сначала в Германии, а потом в США, которые были полны романтической веры в победу науки над природой и человеческой природой: «Высшая серьезность практики живительна для психологии. Промышленность и войско, воспитание и лечение оживят и реформируют науку <...>; психотехника <...>, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением — должна стать целью такой психологии» [12, с. 389]².

Интересно, что в течение длительного периода — вплоть до момента, когда в нашу страну возвратился психоанализ как реальная антропопрактика и мигрировали другие психотерапевтические направления, идея психотехнической философии как методологического фундамента для построения новой психологии никого не увлекала. Сам исторический момент ее возвращения, как и персоналия, с которым это свя-

¹ Психотерапия рассматривается нами как обязанная своим происхождением психоанализу, ставшему для всей совокупности психотерапевтических направлений парадигмально-конститутивной формой, т. е. представляющему собой конкретную культурно-историческую целостность, несмотря на разнородность школ [11].

² Оставим за скобками обсуждение явленной здесь идеологии социальной инженерии и ее этической приемлемости. Этическая проблематика появилась гораздо позже, когда «проект модерна» подвергся критическому осмыслению постклассической философией.

зано, имеют значение и не кажутся случайностью. Ведь длительное время ни о каком «схизисе» не говорили, в советской психологии фундаментальная и прикладная науки вели мирное сосуществование, а психотерапии как антропопрактики, как известно, не было вовсе. Сосуществование фундаментальной и прикладной науки в культурном пространстве модерна — естественная вещь, они органично связаны между собой — об этом много сказано в философии техники [3; 22; 31 и др.], именно поэтому проблемы «схизиса» нет в зарубежной психологии.

Почему же тогда эта (мнимая) проблема встала в отечественной психологии? Это можно объяснить тем, что возникла реальная трудность, стоящая за «схизисом», та, о которой мы поведем речь в следующем разделе статьи: проблема культурно-исторической принадлежности психотерапии. Именно с ней на деле столкнулся Василюк, ведь не стоит забывать, что он принадлежал к тому первому поколению отечественных психотерапевтов, которые осваивали новую для России антропопрактику в конце XX в. Ее-то он и попытался разрешить имеющимися средствами, обратившись — естественно — к Выготскому. Если «практическая психология» (т. е. прикладная) не смогла оправдать надежды Выготского на то, чтобы стать новой методологией психологии — «психотехнической философией», то, как, вероятно, думал Василюк, эту мечту сможет осуществить «психологическая практика» (т. е. психотерапия) — вследствие ее «имманентности» психологии [6; 7]. Почему он не употребил общепринятой терминологии, называя прикладные отрасли «практической психологией», а психотерапию «психологической практикой», остается только догадываться, однако именно эта — словесная — чехарда, к сожалению, является причиной многих недоразумений, лежащих за проблемой «схизиса» в отечественной науке.

За прошедшие с тех пор годы стало ясно, что, хотя отдельные заимствования из психотерапии случаются, проникая как в прикладные направления, берущие из нее на вооружение ту или иную психотехнику, так и в исследовательскую психологию, обогащаемую психотерапевтическим знанием, чаемого преобразования фундаментальной психологии не произошло. Разумеется, она сильно изменилась, но вовсе не под влиянием «психологической практики», ею двигали внутренние законы развития. Что касается «имманентности» психотерапии психологии, то трудно понять, что имел в виду Василюк. По критерию «обслуживания чужих видов деятельности», который он сформулировал, психотерапия не относится к прикладным отраслям психологии, как он правильно отметил, но она не «состоит на службе» и у научной психологии, развиваясь параллельно с нею, хотя обмен знаниями между ними возможен: А.В. Юревич констатирует заимствование исследовательской психологией из психоанализа в качестве источника знания метода «case studies», признание значимости уникального опыта и т. д., видя в этом признаки «диагональной интеграции» психологической науки [35, с. 26–27]. Однако различие в экзистенциально-антропологическом предназначении (телесе), помимо прочего, делает такую интеграцию,

на наш взгляд, абсолютно невозможной. Продуктивные заимствования еще не означают интеграции в качественно единое целое — психология черпает помимо психоанализа из многих других культурных источников. Непонимание реальных отношений между психотерапией, исследовательской и прикладной психологией базируется на том, что в дискуссиях о «схизисе» не проводится дифференциация между психотерапией и прикладными отраслями психологии — ученые-психологи в отличие от психотерапевтов, не утруждаясь специальными исследованиями, объединяют их в единый конгломерат «практической психологии».

Дискурс о психотерапии

Изучение дискурса о психотерапии, где за единицу анализа было взято высказывание о ее культурно-исторической принадлежности, начиная с рождения психоанализа до наших дней, заставляет подвергнуть сомнению многое из того, что считается «само собой разумеющимся» в научном сообществе [11]. Выявлена сама возможность неоднозначного понимания ее культурно-исторической принадлежности, проявившаяся в наличии двух главных дискурсивных позиций: «научоцентрированных» и «сомневающихся в принадлежности психотерапии науке». Представители первой — историки психологии, ученые-психологи и философы, работающие в области философии науки, — убеждены в том, что психотерапия представляет собой совокупность различных научно-психологических школ (в европейской и российской традициях) [13; 16 и др.] либо раздел прикладной/клинической психологии в рамках подходов к аномальному поведению в англоязычных странах [26 и др.]. Общая черта исследований, принадлежащих ученым, в том, что их авторы не подвергают сомнению принадлежность психотерапии «научному разуму» как таковому [34], т. е. тому типу рационального познания, который сложился в Европе в Новое время и является частью данного «системного исторического ансамбля». Психотерапия производит и использует знания, но это еще не причина для того, чтобы квалифицировать ее как принадлежащую сфере науки — об этом пишут представители второй дискурсивной позиции.

К «сомневающимся» принадлежат психотерапевты и философы разных направлений постклассической философии (не занятых философией науки), они по-разному решают проблему ее культурно-исторической принадлежности. Вначале речь не идет о позитивном решении вопроса, а лишь о накоплении аргументов против ее сущностной связи с известными науками (психологией или психиатрией) или наукой как таковой. Эти аргументы касаются: 1) ненатурности психоанализа и сомнительности научного статуса других направлений; 2) действительности «неспецифических факторов», которые связаны с особенностями отношений психотерапевта и клиента и не зависят не только от степени научности психотерапевтических теорий, но и от их содержания; 3) сомнительности генеалогической связи психотерапии

с психологией/психиатрией и указанием на другие исторические истоки; 4) множественности возможностей интерпретации психотерапии средствами гуманитарных наук и постклассической философии за пределами не только психиатрии и психологии, но и науки как таковой; 5) необходимости самостоятельного дисциплинарного статуса.

Психотерапевты находят аргументы в пользу идентификации психотерапии с самыми разными культурными формами: с религией [19 и др.], мифологией [14 и др.]; искусством [39 и др.]; прикладной феноменологией [37; 40 и др.]; экзистенциальным анализом [4; 15 и др.]; практической философией/практикой себя [9; 25 и др.]. Самостоятельный статус психотерапии представители второй дискурсивной позиции аргументируют не только различием в методологии получения знания, но и ее историческим происхождением, дискурс о психотерапии получает *историко-философское измерение*. Указываются социально-психологические предпосылки возникновения антропопрактик, подобных психотерапии [20]; называются и конкретные исторические аналоги — античные философские школы [9; 25], а также наиболее древняя традиция (окультизм-эзотерические психопрактики), которую продолжает современная психотерапия [33 и др.]. *Социально-философское измерение* предмета разворачивают представители франкфуртской философской школы, постструктурализма, христианского экзистенциализма, выступающих с критикой психиатрии как пенитенциарного института капиталистического общества и агента «нормализующей власти», противопоставляя ей психоанализ как «эмансипативную критическую науку» [38 и др.].

И, наконец, *этико-экзистенциальное измерение*: постклассическая философия открывает путь к проблематизации психотерапии в этическом контексте. Психотерапевты и философы говорят об автономии и ответственности субъектов психотерапевтического дискурса, о ее ценностной нагруженности в противовес этически нейтральной психиатрии [21; 9 и др.]. Рефлексия психотерапии в ее этическом наполнении наиболее значима — она позволяет провести водораздел уже не внутри антропопрактик модерна, которые составляют известную «триаду Фуко» (тюрьма—школа—клиника), производны от наук Нового времени и реализуют «власть-знание». Здесь линия демаркации проходит уже между двумя культурно-историческими эпохами — модерном и постмодерном, потому что Фрейд заложил основание для развития радикально иной — независимой от науки — модели антропопрактик, которую правильно обозначить как «экзистенциально-личностную» и противопоставить «инструментально-технологической» модели, реализуемой антропопрактиками модерна [см.: 11]. Последняя представляет собой конкретно-исторический социокультурный механизм, преобразующий фундаментальное знание о закономерностях функционирования или развития предмета в техническое, позволяющее управлять этими объективными процессами, — главная сила, реализовавшая «проект модерна» [22; 30; 31 и др.].

Вывод, который следует из анализа дискурса о психотерапии, состоит в том, что каждая из наук подходит к ней со своим инструментарием, видя в ней то, что умеет видеть, и не способна к ее проблематизации в других контекстах и измерениях. Психиатрия — особый метод лечения психических патологий. Исследовательская психология — практическое приложение своих достижений («клиническая психология»), или осмысляет психотерапию как совокупность научных школ, не видя противоречия с тем, что они, по мнению философов-научковедов, абсолютно ненаучны [1; 23 и др.]. Вопрос об отношениях психотерапии с наукой может иметь значение — но отнюдь не большее, чем ее отношения с искусством, мифологией, философией, религией, и т. д. Необходимо исследовать психотерапию прежде всего как антропопрактику и как многомерную реальность, не ограничиваясь ее знаниевой составляющей.

Психоанализ и наука: телос и истина

«Психоанализ служит яркой иллюстрацией возможности единства практической и исследовательской психологии» [35, с. 26]. Это утверждение А.В. Юревича было бы оправданным в случае возможности его культурно-исторической идентификации с наукой. Однако о «квазимифологической» природе теорий психоанализа и о его ненаучности пишут уже более ста лет [1; 23; 14 и др.]. М.К. Мармашвили разъясняет, в чем состоят отличия психоанализа от науки: язык психоанализа описывает не реальные события, происходящие в жизни пациента, а процессы их психической символической переработки, его нельзя использовать натуралистически для обозначения некоторых эмпирических событий. «Эдипов комплекс» не имеет отношения к фактическому положению дел, он инструмент внутренней работы переживания, «орудие интерпретации», а потому бессмысленно ставить вопрос о верификации психоаналитических теорий объективными методами [17, с. 344—348].

В психоанализе сами отношения анализанта с аналитиком, помимо ролевого профессионально определенного уровня, осуществляются еще и на символическом уровне общения, что означает, что в обмене между ними участвуют не только и не столько профессиональные знания и умения, но и — самое важное — символические репрезентанты субъективного опыта, без чего психоанализ/психотерапия вообще невозможны. Психотерапевтический диалог строится как открытая система, т. е. таким образом, что знание не нуждается в верификации, подтверждении своего объективного эпистемологического статуса, которое «закрывает» процесс в случае научного подхода к делу, знание перестает быть знанием в новоевропейском смысле слова — ибо не оценивается на «объективность». Любое «знание» здесь проходит проверку не на соответствие «объективной» реальности, а на способность осветить смыслом проблему пациента. Так, кастрационный страх не является фактом чьей-

либо биографии, это символическая конструкция, означающее неких ситуаций взаимодействия между людьми определенной культуры, семиотически «упаковывающее» некоторое множество общезначимых для людей этой культуры переживаний, делаая их доступными для психической переработки. Пользуясь символом кастрации, психоаналитик дает пациенту вовсе не знание о фактах его биографии, а способ внесения смысла в то, что с ним происходит, к примеру, во взаимоотношениях с начальником.

В отличие от психиатра, занятого объективной диагностикой соответствия пациента психиатрической норме, терапевт получает знание о клиенте в процессе феноменолого-герменевтического диалога [см.: 10] с ним путем последовательного приближения к обоюдоприемлемому пониманию. Столкнувшись со стороны пациента с сопротивлением принятию открывшегося аналитику смысла симптома и одновременно убедившись в исцеляющей силе его осознания *самим* пациентом, которое имеет непосредственный онтологический эффект, переструктурируя субъективное пространство, и тем самым открывая дверь к самоизменению, в том числе и поведенческих и социальных сторон ситуации, Фрейд понял, что смысл нельзя передать так, как напрямую передается медицинское знание и действие (назначением соответствующего лечения). Нельзя навязать пациенту свое понимание происходящего (к тому же это не привело бы к благоприятным изменениям личности), но можно помочь родиться его собственному, новому и более конструктивному. «Понимание» не подлежит квалификации в эпистемологических/логических категориях «истинности—ложности», т. е. помещению в объективистский дискурс. И это — не некая частная особенность психотерапии, а ее фундаментальная характеристика — свидетельство иного *режима истины*, по сравнению с наукой. Поясним, что имеется в виду.

Введенные М. Фуко понятия «эпистема» и «режим/модель истины» означают правила интерпретации «истинного» и «ложного», которым подчинены практики и институциональные структуры той или иной исторической эпохи или сообщества. Истина неотделима от устанавливающей ее процедуры [28]. В новоевропейской науке истину понимают как соответствие фактическому положению дел в мире. Подобное установление истины как фактичности имеет под собой философский фундамент и функционирует только при условии соблюдения неких философских предпосылок, связывающих нерасторжимой связью понимание субъекта такого — модернистского — типа познания с пониманием истины. Вот что об этом пишет М. Хайдеггер: новоевропейская истина и «... всякое сознание вещей и сущего в целом возводится к самосознанию человеческого субъекта как неколебимому основанию всякой достоверности. Действительность действительного определяется впоследствии как объективность, как такое, что понимается через субъекта и для него в качестве предметного и преднесенного ему» [32, с. 173]. Онтологическим фундаментом такого рода познания становится «измысленная» классической философией категория *природы* как объективной

реальности, предстоящей субъекту для исследования, завоевания и покорения — таков телос науки новоевропейского типа, и психология, исторически сложившись как наука, принадлежит данному типу.

Для того чтобы понять, «что такое психотерапия», надо осмыслить, какие трансформации произвел психоанализ в «дискурсе безумия» [27] в сравнении с психиатрией как позитивной научной дисциплиной. При этом надо понимать, что психотерапевтические школы наследуют не содержание тех или иных теорий, не психотехнические изобретения Фрейда, а что-то иное, невидимое с помощью обычной научной оптики. Мы полагаем, что это «нечто» глубоко связано с телосом психотерапии и, как производное, — с ее методологией, режимом истины, структурой коммуникации, аксиологическими основаниями. Все это составляет в целостности то новое, что привнес психоанализ в жизнь европейского человека, и оно заключается в создании *нового способа совладания со страданием*, основанного на осмыслении своего личного опыта *самим* пациентом.

Это изменение в «дискурсе безумия» как факт признают все, однако осознают так, как позволяет мыслительная парадигма — в рамках функционально-технологической модели практики — как еще один метод лечения. А нужно акцентировать не «метод» как таковой, а *необходимость* осознания вытесненного переживания *самим* пациентом, поставленного во главу угла новой практики. Это, казалось бы, незначительное смещение радикально меняет «оптику» нашего восприятия — то, что осмыслялось инструментально, приобретает должный масштаб, будучи осмыслено как системообразующий принцип иного типа помогающих практик (принцип субъектности/авторства). Новизна экзистенциально-личностной модели антроппраксиса состоит в том, что пациент вместо того, чтобы отдавать себя в полное распоряжение другому человеку (врачу), получает возможность самому справляться со своими проблемами (с помощью психотерапевта). Это различие имеет не частный (технический) характер, оно имплицитно трансформирует ценностно-смысловую и целевую программы практики, возвращая исторической традиции утерянный в эпоху модерна телос.

За счет чего это удалось сделать? Трансформация клинического дискурса затронула сами основания практики: Фрейд перестал подвергать пациента объективирующей научной процедуре. Впервые в истории психиатрии он перестал *выслушивать* пациента, чтобы поставить диагноз и назначить лечение, сообразуясь с априорно заданной системой классификации психических расстройств, а стал его *слушать*, чтобы услышать то, что он говорит и что сказывается в его речи само помимо прямого смысла сказанного в контексте переживаемой *здесь-и-сейчас* динамики психических состояний, и понять, что происходит, какой смысл происходящее приобретает в контексте симптоматики пациента, а также в целом всей его жизненной истории. Это значит, что трансформация произошла в самом типе коммуникации: психоанализ, отказываясь от субъект-объектного

структурирования практики, находит иной принцип конституирования себя — диалогический. Диалогическая коммуникация основана на способности отнестись к другому, как к себе, и к себе, как к другому, не подвергая ни себя, ни собеседника нормативной квалификации, она создает условия для авторского отношения к себе и своей жизни — фундамент для «архитектоники ответственности», по М.М. Бахтину.

Таким образом, анализ *способа обращения человека с самим собой* может лечь в основу сравнения и типологизации исторических и ныне существующих антропопрактик. В практиках первого типа человек подвергает себя процедуре *объективации*, в практиках, направленных на самопонимание и самоизменение, как в психотерапии, человек подвергает себя *проблематизации*. М. Фуко пишет о том, что для анализа становления реальной человеческой субъективности необходимо «...анализировать не поведение и не идеи, не общества и не их “идеологии”, но *проблематизации*, посредством которых бытие дано самому себе как то, что может и должно быть помыслено, и *практики*, на основе которых эти проблематизации формируются» [29, с. 19]. — (Курсив авт.).

Психотерапия имеет еще одно очень важное отличие от антропопрактик модерна: она не «состоит на службе» ни у каких социальных институций. Даже если психотерапевт формально (ведомственно) имеет отношение к школе или клинике, он «состоит на службе» лишь у частного человека. Уникальность психотерапии среди антропопрактик современности выражается в том, что только психотерапия имеет целью психологическое совершенствование/гармонизацию жизни людей вообще и конкретного человека — в частности, безотносительно к его функциональной роли в какой-то социальной системе. Имея общий объект — психику, прикладная психология и психотерапия различаются тем, как та и другая подвергают идеализации единый объект, выстраивая

свой предмет познания и деятельности. Прикладная психология концептуализирует «психическое» как «психологический фактор», т. е. одно из условий функционирования определенной социальной системы или как один из ее элементов, структура которой подчинена принципу неаддитивности — целое больше суммы своих частей. В психотерапии предмет «психическое/личность» конструируется как целостность сама по себе, вмещающая одновременно все человечество и равновеликая ему, реализуя другой принцип — эквивалентности микрокосма макрокосму, ибо человек берется в целостности всей его экзистенции. Это сущностное антропологическое отношение, поэтому его с необходимостью реализуют *культурные формы* производства человеческой субъективности, такие как религия или искусство.

Заключение

Проведенный анализ позволяет снять проблему «схизиса» между психотерапией и научной психологией не за счет их объединения/синтеза в единую науку, а за счет развенчания идеала, породившего саму проблему — качественно единого научного знания. Этот модернистский эпистемологический идеал устаревает: в рамках такой дисциплины, как «психология» сегодня сосуществуют разные дискурсивные практики, востребованные обществом, не ограниченные опорой на академическую психологию, более того — на «научный разум» [34] как таковой. Переформатировать психологию возможно — рассматривая ее как совокупность разных — научных и вненаучных психологических дискурсов. И это позволит «... констатировать не “схизис”, а взаимодополнение, комплементарность “двух психологий”» [36, с. 101], представляющих собой две сущностно различные и равные части одного целого.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. Психология: Польза и вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел. Мн.: Харвест, 2003. 912 с.
2. Аллаxвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003. 368 с.
3. Бердяев Н.А. Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 143—162.
4. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Ювента, СПб.: Ленато, 1999. 300 с.
5. Ван Дойрцен-Смит Э., Смит Д. Является ли психотерапия самостоятельной научной дисциплиной? // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 1999. С. 30—57.
6. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. №1. С. 15—32.
7. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25—40.

References

1. Ayzenk G.Yu. Psikhologiya: Pol'za i vred. Smysl i bessmyslitsa. Fakty i vymysel [Psychology: Benefit and harm. Meaning and nonsense. Facts and fiction]. Minsk: Harvest Publ., 2003. 912 p. (In Russ.).
2. Allakhverdov V.M. Metodologicheskoe puteshestvie po okeanu bessoznatel'nogo k tainstvennomu ostrovu soznaniya [Methodological journey through the ocean of the unconscious to the mysterious island of consciousness]. Saint-Petersburg: Rech', 2003. 368 p.
3. Berdyaev N.A. Chelovek i mashina: Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki [Man and machine: The problem of sociology and metaphysics of technology]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1989, no. 2, pp. 143—162.
4. Binsvanger L. Bytie-v-mire [Being-in-the-World]. Moscow: Yuventa Publ., Saint-Petersburg: Lenato Publ., 1999. 300 p. (In Russ.).
5. Van Doyrtsen-Smit E., Smit D. Yavlyatsya li psikhoterapiya samostoyatel'noy nauchnoy distsiplinoi? [Is psychotherapy an independent scientific discipline?]. In: *Psikhoterapiya — novaya nauka o cheloveke* [Psychotherapy is

8. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Изд-во МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
9. *Воробьева Л.И.* Философия гуманитарной практики // Труды по консультативной психологии и психотерапии. Вып. 2: Психология. Сознание. Культура / Под ред. Ф.Е. Василюка. М.: МГППУ; ПИ РАО, 2009. С. 105–143.
10. *Воробьева Л.И.* Чем и как герменевтическая феноменология может быть полезна психотерапии (О философии «встречи») // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 31–54.
11. *Воробьева Л.И.* Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: дисс. канд. психол. наук. М., 2016. 224 с.
12. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Исторический смысл психологического кризиса. М.: Педагогика, 1982. С. 292–436.
13. *Здан А.Н.* История психологии. От античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
14. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
15. *Лэнгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. (Теория и практика экзистенциального анализа). М.: Генезис, 2005. 159 с.
16. *Люк Х.Е.* История психологии. Течения, школы, пути развития. М. Научный мир, 2012. 272 с.
17. *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. 584 с.
18. *Мироненко И.А.* Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 105–111.
19. *Мосак Г.* Кто в это уверует, будет иметь жизнь вечную // Психотерапия — что это? Современные представления. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 33–37.
20. *Мэй Р.* Экзистенциально-гуманистическая психотерапия // Психотерапия — что это? Современные представления. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 194–196.
21. *Нойманн Э.* Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб.: Академический проект, 1999. 206 с.
22. *Ортега-и-Гассет Х.* Размышления о технике // Избранные труды. М.: Весь Мир, 2000. С. 164–232.
23. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: Изд-во «АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
24. *Притц А., Тойфельхарт Х.* Психотерапия — наука о субъективном. Постановка проблемы // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 1999. С. 10–29.
25. *Ромек В.Г., Ромек Е.А.* Античные «практики себя» и философские основания психотерапии // Личность. Интеллект. Креативность. Сб. научных трудов. НОУ ВПО «Южно-Российский гуманитарный институт», Ростов н/Д: Антей, 2011. С. 89–107.
26. *Смит Н.* Психология. Современные системы. История. Постулаты. Практика. СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
27. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
28. *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; «Университетская книга», 2004а. 416 с.
29. *Фуко М.* История сексуальности: в 3 т. Т. 2. Использование удовольствий. СПб.: Академический проект, 2004б. 432 с.
30. *Василюк Ф.Е.* *a new science about man*. Ekaterinburg: Delovaya kniga; M.: Akademicheskii projekt, 1999, pp. 30–57. (In Russ.).
31. *Vasilyuk F.E.* Ot psikhologicheskoy praktiki k psikhotehnicheskoy teorii [From psychological practice to psychotechnical theory]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*, 1992, no. 1, pp. 15–32.
32. *Vasilyuk F.E.* Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [Methodological meaning of the psychological schism]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1996, no. 6, pp. 25–40.
33. *Vasilyuk F.E.* Metodologicheskii analiz v psikhologii [Methodological analysis in psychology]. Moscow: MGPPU Publ.; Smysl, 2003. 240 p.
34. *Vorob'yeva L.I.* Filosofiya gumanitarnoy praktiki [Philosophy of humanitarian practice]. In: Vasilyuk F.E. (ed.) *Trudy po konsul'tativnoj psikhologii i psihoterapii. Vyp. 2: Psihologija. Soznanie. Kul'tura [Proceedings on consultative psychology and psychotherapy. Issue. 2: Psychology. Consciousness. Culture]*. Moscow: MGPPU; PI RAO Publ., 2009, pp. 105–143.
35. *Vorob'yeva L.I.* Chem i kak germenevticheskaya fenomenologiya mozhet byt' polezna psikhoterapii (O filosofii «vstrechi») [What and how can hermeneutic phenomenology be useful to psychotherapy (On the philosophy of «meeting»)]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa [Journal of Practical Psychology]*, 2013, no. 4, pp. 31–54. (In Russ.; abstr. in Engl.).
36. *Vorob'yeva L.I.* *Psikhoterapiya v istorii psikhologii: kul'turno-istoricheskiy analiz. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychotherapy in the history of psychology: cultural and historical analysis. Ph. D. (psychology) diss.]*. Moscow, 2016. 224 p.
37. *Vygotskiy, L.S.* Sbranie sochineniy: V 6 t. T. 1. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa [Collected Works: In 6 vol. T. 1. The historical meaning of the psychological crisis]. Moscow: Pedagogika., 1982, pp. 292–436.
38. *Zhdan A.N.* Istoriya psikhologii. Ot antichnosti do nashikh dnei [History of psychology. From antiquity to our days]. Moscow: Akademicheskii projekt, 2004. 576 p.
39. *Levi-Stros K.* Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001. 512 p. (In Russ.).
40. *Lengle A.* Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti. (Teoriya i praktika ekzistentsial'nogo analiza) [Person: Existential-analytic theory of personality. (Theory and practice of existential analysis)]. Moscow: Genезis Publ., 2005. 159 p. (In Russ.).
41. *Lyuk Kh.E.* Istoriya psikhologii. Tcheniya, shkoly, puti razvitiya [History of Psychology. Currents, Schools, Ways of Development]. Moscow: Nauchnyy mir, 2012. 272 p. (In Russ.).
42. *Mamardashvili M.K.* Oчерk sovremennoy evropeyskoy filosofii [An outline of modern European philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya, Fond Meraba Mamardashvili, 2010. 584 p.
43. *Mironenko I.A.* Kontinuum ili razryv? [Continuum or gap?]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2006, no. 6, pp. 105–111.
44. *Mosak G.* Kto v eto uveruet, budet imet' zhizn' vechnuyu [Who will believe in this, will have eternal life]. In: *Psikhoterapiya — chto eto? Sovremennye predstavleniya [Psychotherapy — what is it? Contemporary representations]*. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass», 2000, pp. 33–37. (In Russ.).
45. *Mey R.* Ekzistentsial'no-gumanisticheskayapsikhoterapiya [Existential-humanistic psychotherapy]. In: *Psikhoterapiya — chto eto? Sovremennye predstavleniya [Psychotherapy — what is it? Contemporary representations]*. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass», 2000, pp. 194–196. (In Russ.).
46. *Noymann E.* Glubinnaya psikhologiya i novaya etika. Chelovek misticheskiy [Deep psychology and a new ethic. A mystical man]. Saint-Petersburg: Akademicheskii projekt, 1999. 206 p. (In Russ.).

30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: Двенадцать лекций. М.: Весь мир, 2008. 416 с.
31. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
32. Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 863 с.
33. Харнер М.Дж. Путь шамана или шаманская практика. М.: ИЧП «Палаитр», 1994. 103 с.
34. Хюбнер К. Критика научного разума. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994. 324 с.
35. Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // *Вопросы психологии*. 2005. № 3. С. 16–28.
36. Юревич А.В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 90–104.
37. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
38. Habermas J. Knowledge and Human Interests: a General Perspective // *Knowledge and Human Interests*. Cambridge: Polity, 1987. P. 301–317.
39. Malone T.P. Self in psychotherapy // *Journ. «Pilgrimage»*. 1980. № 8 (2). P. 93–104.
40. Minkowski, E. Le Temps vécu. Étude phénoménologique et psychopathologique. (Delachaux), Ed.: PUF-Quadrige. 2013. 432 p.
41. Phillips J. Hermeneutics in psychoanalysis: Review and reconsideration // *Journ. «Psychoanalysis and Contemporary Thought»*. 1991. № 14. P. 371–374.
22. Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannyye trudy. Razmyshleniya o tekhnike [*Selected Works. Reflections on Technology*]. Moscow: Ves' Mir, 2000, pp. 164–232. (In Russ.).
23. Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya [Assumptions and refutations: The growth of scientific knowledge]. Moscow: «АСТ»: ZAO NPP «Ermak» Publ., 2004. 638 p. (In Russ.).
24. Pritts A., Toyfel'khart Kh. Psikhoterapiya — nauka o sub'ektivnom. Postanovka problemy [Psychotherapy is the science of the subjective. Formulation of the problem]. In: *Psikhoterapiya — novaya nauka o cheloveke [Psychotherapy is a new science about man]*. Ekaterinburg: Delovaya kniga; Moscow: Akademicheskiiy proekt, 1999, pp. 10–29. (In Russ.).
25. Romek V.G., Romek E.A. Antichnye «praktiki sebya» i filosofskie osnovaniya psikhoterapii [Ancient «practices of self» and the philosophical foundations of psychotherapy]. In: *Lichnost'. Intellekt. Kreativnost' [Personality. Intelligence. Creativity]*. Rostov on Don: NOU VPO «Yuzhno-Rossiyskiy gumanitarnyy institut»: Antey Publ., 2011, pp. 89–107.
26. Smit N. Psikhologiya. Sovremennyye sistemy. Istoriya. Postulaty. Praktika [Psychology. Modern systems. History. Postulates. Practice]. Saint-Petersburg-Moscow: Praym-EVROZNAK Publ., 2003. 384 p. (In Russ.).
27. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [History of Insanity in the Classical Era]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. 576 p. (In Russ.).
28. Fuko M. Arkheologiya znaniya [Archeology of Knowledge]. Saint-Petersburg: ITs «Gumanitarnaya akademiya»; «Universitetskaya kniga», 2004a. 416 p. (In Russ.).
29. Fuko M. Istoriya seksual'nosti: V 3 t. [The history of sexuality: In 3 vol.]. T. 2. *Ispol'zovanie udovol'stviy [T. 2. Use of pleasure]*. Saint-Petersburg: Akademicheskiiy proekt, 2004b. 432 p. (In Russ.).
30. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne: Dvenadtsat' lektsiy [Philosophical discourse on modernity: Twelve lectures]. Moscow: Ves' mir, 2008. 416 p. (In Russ.).
31. Khaydegger M. Vopros o tekhnike [The question of technology]. In: *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and speeches]*. Moscow: Respublika, 1993, pp. 221–238. (In Russ.).
32. Khaydegger M. Nitsshe i pustota [Nietzsche and Emptiness]. Moscow: Algoritm; Eksmo Publ., 2006. 863 p. (In Russ.).
33. Kharner M.Dzh. Put' shamana ili shamanskaya praktika [The path of a shaman or shamanic practice]. Moscow: IChP «Palaitr» Publ., 1994. 103 p. (In Russ.).
34. Khyubner K. Kritika nauchnogo razuma [Criticism of scientific reason]. Moscow: Institut psikhologii of RAS Publ., 1994. 324 p. (In Russ.).
35. Yurevich A.V. Integratsiya psikhologii: utopiya ili real'nost'? [Integration of psychology: Utopia or reality?]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2005, no. 3, pp. 16–28.
36. Yurevich A.V. Eshche raz o «skhizise» issledovatel'skoy i prakticheskoy psikhologii [Once again about the «schism» of research and practical psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and history of psychology]*, 2010. T. 5, no. 3, pp. 90–104.
37. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya [General Psychopathology]. Moscow: Praktika, 1997. 1056 p. (In Russ.).
38. Habermas J. Knowledge and Human Interests: a General Perspective. In: *Knowledge and Human Interests*. Cambridge: Polity, 1987. pp. 301–317. (In Engl.).
39. Malone T.P. Self in psychotherapy. *Journ. «Pilgrimage»*, 1980, no. 8 (2), pp. 93–104. (In Engl.).
40. Minkowski E. Le Temps vécu. Étude phénoménologique et psychopathologique. (Delachaux), Ed.: PUF-Quadrige, 2013. 432 p. (In Fr.).
41. Phillips J. Hermeneutics in psychoanalysis: Review and reconsideration. *Journ. «Psychoanalysis and Contemporary Thought»*, 1991, no. 14, pp. 371–374. (In Engl.).